

н а т а л ь я

АЛЕКСАНДРОВА

Зря Надежда Лебедева
пошла с мужем на корпоратив!
Новый костюм сидел ужасно,
а в зимнем саду она наткнулась
на труп интересной
блондинки...

Дело ведет:

Надежда Лебедева

Труп
в холодильнике

Детектив-любитель Надежда Лебедева

Наталья Александрова

Труп в холодильнике

«ЭКСМО»

2009

Александрова Н. Н.

Труп в холодильнике / Н. Н. Александрова — «Эксмо»,
2009 — (Детектив-любитель Надежда Лебедева)

ISBN 978-5-17-059966-0

Зря Надежда Лебедева пошла с мужем на корпоратив! Новый костюм сидел ужасно, а в зимнем саду она наткнулась на труп интересной блондинки... Мало этого – труп куда-то пропал, и Надежде никто не верит. Что делать, чтобы восстановить свое доброе имя? Начать собственное расследование! Книга также выходила под названием «Клуб шальных бабок».

ISBN 978-5-17-059966-0

© Александрова Н. Н., 2009

© Эксмо, 2009

Содержание

Наталья Александрова	5
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Наталья Александрова

Труп в холодильнике

«Все-таки зря я сюда пришла...» – мрачно подумала Надежда, но тут же спохватилась и навесила на лицо самую свою приветливую улыбку.

Вокруг нее кипело веселье. Ресторан назывался «Галеон», был новый, большой и красивый, оформление его было выдержано в морском стиле. И сегодня он был закрыт для обычных посетителей по поводу корпоративного мероприятия, а точнее: фирма, где Надеждин муж Сан Саныч Лебедев вот уже несколько лет состоял на должности замдиректора, праздновала свой пятнадцатилетний юбилей.

По такому случаю был заказан в ресторане банкет, приглашены артисты – в общем, корпоративный праздник был организован с размахом.

«Где наша не пропадала», – сказал директор, обсуждая с Сан Санычем и главбухом количество средств, выделенных на мероприятие, все-таки пятнадцать лет на плаву – это вам не кот начихал, хоть будет что вспомнить...

Несмотря на сопротивление главного бухгалтера, все сотрудники были приглашены с женами, мужьями, друзьями и подругами.

И вот тут-то и начались Надеждины неприятности.

Во-первых, муж сообщил ей о знаменательном событии всего за неделю. А что, скажите на милость, можно успеть за шесть с половиной дней? Выкрасить волосы, выщипать брови и наведаться к косметологу – для того чтобы наложить на лицо питательную маску и выслушать кучу неприятных вещей – о том, что лицом нужно заниматься каждый день, а не раз в месяц по обещанию, о том, что в это время года от холода и сырости кожа особенно страдает и что косметолог не бог и снимает с себя всяческую ответственность, если клиентка настолько легкомысленно относится к собственному лицу.

Настроение у Надежды Николаевны после такой отповеди упало до того низко, что она даже решила сорвать его на собственном муже, хоть и дала себе слово не делать этого ни под каким видом. Потому что муж у нее любимый и вообще замечательный человек, он много и тяжело работает, чтобы создать приемлемую жизнь для своей дорогой жены Надежды и еще более любимого кота Бейсика рыжей хулиганской породы. И долг Надежды как верной жены – заботиться о нем и обеспечить дома комфорт, уют и покой.

Но Сан Саныч, хоть и был замечательным мужем, все же не очень отличался от всех остальных представителей сильного пола, то есть не умел сочувствовать истинно женским проблемам, он их не замечал, а если и замечал, то не придавал серьезного значения. Так, в ответ на ворчание Надежды, что он поздно сообщил ей о торжестве, муж удивился и спросил: а для чего ей время?

Тогда Надежда дала волю своему раздражению и задала коварный, как ей показалось, вопрос: в чем ей идти на корпоративный праздник в такой шикарный ресторан? «Ну, надень что-нибудь...» – ответил Сан Саныч и попытался выйти из спальни, так как почувствовал, что сейчас грянет если не буря, то небольшая гроза.

И Надежда тут же пришла в ярость, чего опять-таки поклялась себе не делать, поскольку однажды во время ссоры увидела себя в зеркале. Распахнутый в крике рот, пылающее лицо и растрепанные волосы производили настолько отвратительное впечатление, что Надежда удивилась, как муж ее немедленно не бросил. И с тех пор в семействе Лебедевых установилась относительная благодать.

Но из всех правил бывают исключения, и Надежда дала себе волю. Она вывалила из шкафа всю одежду, тогда Сан Саныч сделал обиженное лицо и вышел из комнаты, прихватив с собой кота Бейсика.

Рыжий разбойник не посмел вырваться, хотя в глазах у него отражался сильный интерес. Бывали у него в жизни такие удачи, когда хозяйка, зазевавшись, оставляла открытым платяной шкаф, и тогда наглый котяра вволю подрал когтями шелковые блузки и шерстяные свитера.

Надежда в который раз перебрала вещи и совсем пала духом. Парочка костюмов выглядела недостаточно нарядными для посещения торжества, да что там – костюмы явно устарели. Было еще у Надежды вечернее платье дивного брусничного цвета, его подарила ей подруга Сонька прошлым летом.

Сонька достигла в жизни больших высот – являлась владелицей модельного агентства, и положение обязывало ее иметь в гардеробе дорогие фирменные вещи. Платье смотрелось на Надежде отменно, но все дело было в том, что не далее как два месяца назад директору фирмы взбрело в голову устроить деловой ужин для московского компаньона. Компаньон приехал в Петербург с женой – хотел показать ей город, так что директор и Сан Саныч тоже взяли с собой жен, чтобы московской даме не было скучно.

Тот вечер Надежда вспоминала долго. Директор и московский партнер были женаты не в первый и не во второй раз, и нынешние жены их были до неприличия молоды. Они познакомились и тут же защебетали на своем птичьем языке. Нет, разумеется, они вежливо улыбались Надежде, но каждый раз спешили отвести глаза. В разговоре они употребляли массу незнакомых Надежде слов – «био-ап», «диспорт», «пилатос» и так далее.

Мужчины были заняты своей беседой, но Надежде казалось, что Сан Саныч сравнивает ее с теми двумя, и сравнение это явно не в ее пользу.

Когда все выпили и повеселели, выяснилось, что Надежда с директором фирмы когда-то давно работали на смежных предприятиях. Остаток вечера они вспоминали минувшие дни и в общем-то неплохо провели время.

Так или иначе, но дивное брусничное платье надевать на вечеринку было никак нельзя – уж его-то директорская женошка вмиг опознает! Не хватало еще, чтобы все узнали, что у жены такого приличного человека, как Сан Саныч Лебедев, на все про все одно выходное платье.

На самом деле так оно и было – не от бедности, конечно, просто Надежда не слишком любила наряжаться. Еще меньше она любила таскаться по магазинам.

Это только кажется, что сейчас в магазине можно купить все, что хочешь, на самом деле хоть полки и кронштейны буквально забиты всяческой одеждой, выбрать что-то подходящее на практике оказывается почти невозможно.

Надежда обошла полгорода, стоптала ноги по колению, но не получила ничего, кроме разочарования. Сначала она по наивности отправилась в магазины дорогие в расчете на то, что там персонал будет более внимателен и поможет выбрать. Откуда взялось у нее в голове убеждение, что в дорогих магазинах продавцы вышколены и обязаны вежливо разговаривать с каждым заглянувшим в дверь человеком, будь то хоть тетка в ватнике и в галошах на босу ногу?

«Есть только маленькие размеры!» – бросали девицы при виде заглядывающей в дверь Надежды.

Когда же ее просто игнорировали, то есть глядели мимо, как будто она пустое место, Надежда подходила к стойкам, перебирала одежду, приходила в ужас от цифр на ценниках и выходила с отвисшей челюстью. После таких экскурсий хотелось выпить кофе с пирожными в ближайшем кафе и бежать без оглядки. Но торжественное мероприятие неуклонно приближалось, так что Надежда брала себя в руки и снова устремлялась в магазины, стиснув зубы.

Нельзя сказать, что Надежда Николаевна Лебедева была женщиной робкой и покорной. Напротив, многочисленные друзья и знакомые признавали за ней такие качества, как смелость, решительность, острый ум и наблюдательность. Надежда Николаевна была женщиной интел-

лигентной и воспитанной, но если ее разозлить, могла держаться твердо и постоять за себя сумела бы.

Так что она смогла бы заставить невоспитанных продавщиц из бутиков обратить на себя внимание, если бы... если бы ей хоть что-то приглянулось в этих треклятых бутиках! Если бы хоть какую-то вещь действительно захотелось примерить!

Тогда она решила сменить тактику и переключилась на магазины попроще. Хамства там было не меньше, зато народу гораздо больше. Ассортимент тоже оставлял желать лучшего. И песня про маленькие размеры была та же.

– Дама, что вы тут ищите? – бросила сквозь зубы продавщица, которой Надежда мешала разговаривать по телефону и одновременно жевать гамбургер. – Вам напротив!

Напротив располагался отдел «Одежда для полных», размеры там начинались с пятьдесят второго. Надежда оскорбилась до глубины души, потому что страшно гордилась своим сорок восьмым, который, что греха таить, стоил ей множества трудов.

Наглая девица не могла неправильно определить размер, все же она работала в магазине одежды.

– У меня сорок восьмой! – Надежда даже повысила голос. – Куда вы меня посылаете?

Девица показала глазами, что это одно и то же, причем у самой мерзавки, по наблюдению Надежды Николаевны, был размер сорок шестой, не меньше.

– Еще покушаешь гамбургеров, – сказала Надежда, нагнувшись и поморщившись от запаха несвежей котлеты, – и до моего сорок восьмого скоро дорастешь. А там и в тот отдел придется идти, благо далеко ходить не надо!

Девица выпучила глаза и подавилась котлетой, а Надежда вылетела из магазина, напоследок хлопнув дверью.

Впрочем, она не столько сердилась, сколько удивлялась. Ну ладно там, в дорогих бутиках, продается одежда даже не для жен олигархов, а для их кукол, у богатых, как говорится, свои причуды, но здесь-то, в обычных торговых центрах, разве найдется много покупательниц ростом и размерами с десятилетнего ребенка?

К концу недели Надежда Николаевна совершенно отчаялась и решила идти в чем есть, пускай жена директора думает все, что хочет, ей, Надежде, уже до лампочки. И тут в одном магазине попалась очень приветливая продавщица постарше. Она окружила Надежду вниманием и буквально засыпала ее платьями и костюмами. Однако все это Надежде не слишком нравилось, какое-то все было непривычное. В конце концов она решилась. Неудобно было обижать милую женщину, да и сил больше не было мотаться по магазинам.

Костюм был хорош, когда висел на плечиках. На самой Надежде жакет тоже сидел неплохо, опасения внушала юбка, она вся была какая-то асимметричная. «Это крой, крой такой интересный, авторская работа... – заторопилась продавщица, – вы не подумайте...»

Думать у Надежды уже не было сил, она расплатилась за костюм и побрела домой. Вечером муж, увидев обновку, сказал, что все хорошо, но, на взгляд Надежды, сделал это чересчур поспешно. Кот Бейсик пренебрежительно фыркнул, но на его мнение Надежда Николаевна решила наплевать.

К празднику Надежда уложила волосы, а также случившаяся там же, в парикмахерской, визажист Лариса набросала ей кое-что на лицо рукой профессионала.

Костюм сидел неплохо, любимые итальянские туфли придавали походке уверенность и грацию. Костюм был серебристо-серого цвета, так что Надежда купила губную помаду поярче.

Муж, увидев Надежду при полном параде, посмотрел ласково и даже попытался обнять, но Надежда ему этого не позволила, чтобы не испортил макияж и не помял прическу.

Директор фирмы приветствовал Надежду как старую знакомую и даже церемонно поцеловал ей руку, так что она обрадовалась, что надела на торжество старинное кольцо с бриллиантом – фамильная вещь, подарок мужа на свадьбу. С самой приветливой улыбкой она пере-

вела взгляд на директорскую жену и остолбенела: жена была не та. Эта была тоже блондинка, и фигуры похожи, но значительно моложе и гораздо стервознее, сразу видно.

Надежда не сумела совладать со своим лицом, и директорская жена посмотрела на нее с немотивированной злостью. Надежда пробормотала слова приветствия и поскорее ретировалась в сторонку, решив дома устроить мужу выволочку за то, что не предупредил заранее.

В холле ресторана, оформленном в морском духе, собиралась публика и сновали официанты с подносами. Надежда взяла бокал шампанского, чтобы не стоять столбом, и отошла к стене. Муж куда-то подевался, и Надежда от скуки рассматривала прибывающих сотрудников дамского пола, ибо считала, что на мужчин при ее возрасте и общественном положении пялиться неприлично, да и незачем.

Она заметила знакомое лицо – секретарша мужа Вера, ее Надежда знала, они общались по телефону и встречались, когда пару раз Надежда заходила к мужу на работу. Один раз Вера приезжала к ним домой, когда муж прихворнул. Надежде она нравилась – сдержанная женщина лет тридцати пяти, не болтушка, аккуратная и работающая.

Вера встретилась с ней глазами и кивнула приветливо. Подходить не стала, видно, решила в неформальной обстановке не надоедать жене начальника. И на вечере была она одета подчеркнуто скромно – какой-то костюмчик серенький, незаметный, волосы зачесаны гладко, губы едва тронуты помадой.

Прошла мимо директорская жена в сопровождении малосимпатичной брюнетки с кривоватыми ногами. Брюнетка прислонялась к ее плечу и интимно нашептывала что-то на ушко.

В любом коллективе есть такие люди, подумала Надежда, норовят присосаться к женам начальства, вроде бы они в дружбе. Ходит теперь, пересказывает все слухи и сплетни, у кого с кем роман, кто с кем в ссоре и кто кого недавно бросил. А той на вечере скучно, вот она и слушает от нечего делать. А брюнетка потом будет перед сотрудниками козырять, что она особа, приближенная к начальству. Хоть Надежда уже и не работает несколько лет, а в коллективах все по-старому...

В ответ на ее мысли кривоногая брюнетка оглянулась и посмотрела на Надежду с легкой насмешкой. Затем оживленно зашептала что-то своей соседке. Та тоже оглянулась, приснула в кулак, и девицы удалились, громко хохоча. Надежда недоуменно пожала плечами, скосила глаза на зеркало и похолодела.

Юбка с асимметричным кроем сползла на сторону, и вид был почти непристойный. То есть как будто Надежда валялась в этой юбке пьяная под забором, а потом встала, да так и пришла на корпоративное мероприятие.

Надежда мысленно ахнула и, сохраняя на лице отсутствующее выражение, постаралась вернуть юбку на место. Проклятая юбка никак не хотела поворачиваться.

Рассеянно улыбаясь, Надежда высмотрела в противоположном углу туалет и начала пробираться туда по стеночке. О том, чтобы просто пересечь зал, не могло быть и речи. По дороге она встретила главбуха Нину Семеновну, которая заметила Надежду уже давно и теперь жаждала общаться. С трудом отделавшись от бухгалтерши, Надежда юркнула в туалет. Поставив бокал на край раковины, она оглядела себя в зеркало и вздохнула. В волнении она забыла, как должна выглядеть юбка в нормальном состоянии. Но путем логических заключений пришла к выводу, что молния должна быть сзади по центру.

Она вертелась перед зеркалом, когда открылась дверь и вошла та самая брюнетка с кривоватыми ногами. Насмешливо уставившись на Надежду, она задела бокал с шампанским и перевернула его себе на платье.

– Какой идиот поставил здесь вино? – завизжала она.

Поскольку вопрос не адресовался к ней напрямую, Надежда промолчала. Потом тщательно накрасила губы и вышла, оставив девицу замывать платье. На взгляд Надежды, платьице

было так себе, хотя брюнетке, конечно, его жалко. Ну ничего, шампанское было сухое, от него пятен не останется.

Настроение у Надежды несколько повысилось, но все же она предчувствовала, что с проклятой юбкой в этот вечер еще будут неприятности.

«Нет, все-таки зря я сюда пришла, – вздохнула она, – и Саша тоже хорош! Знать бы, что жена у директора другая, надела бы я то брусничное платье и чувствовала бы себя сейчас как королева!»

И точно, спокойно себя ощущала Надежда Николаевна только за банкетным столом. Когда кончились все тосты и закуски, публика потянулась потанцевать. Надежда тоже сгоряча собралась тряхнуть стариной, но проклятая юбка уже успела перевернуться.

«Авторский крой, – вспомнила Надежда, – попадись мне этот автор, я придушу его собственными руками! Ножницами нарежу! Булавками к стене приколю!»

Она на ощупь выпрямила юбку, и тут муж потянул ее танцевать. Надежда прильнула к нему тесно, решив, что в такой позе юбка усидит на месте. Муж если и удивился, то ничего не сказал, он всегда был вежливым человеком.

После танцев Надежда Николаевна снова оказалась перед огромным зеркалом и, как всякая нормальная женщина, бросила взгляд на свое отражение.

И настроение ее еще больше испортилось.

Проклятая юбка опять сдвинулась, молния уехала набок, и вся художественная асимметрия, которую так расхваливала продавщица и за которую с Надежды Николаевны содрали бешеные деньги, превратилась в форменное безобразие. В довершение этого кошмара Надежда перехватила в зеркале ехидный взгляд кривоногой брюнетки, которая, высушив платье, бегала по залу, ища директорскую жену.

– Зря я сюда пришла! – простонала Надежда Николаевна и бочком, вдоль стеночки, направилась в сторону дамской комнаты, чтобы в который раз привести костюм в порядок.

Путь ее лежал через зимний сад.

Кто-то, видимо, в целях экономии электричества выключил там верхний свет, и растения были освещены только двумя или тремя декоративными фонарями, спрятанными среди зелени. Это создавало в саду очень романтическое настроение, но Надежде Николаевне было не до романтики: она, как уже было сказано, спешила в дамскую комнату, чтобы устранить беспорядок в своем гардеробе.

Правда, пройдя мимо огромного фикуса, не смогла не задержаться: у нее дома тоже был фикус, правда, ему до этого нужно было расти и расти... Впрочем, не дай Бог, вырастет такой же огромный – придется прорубать потолок и договариваться с соседями сверху...

Эта мысль немного задержала Надежду, и тут она услышала впереди, за развесистой пальмой (или, точнее, монстерой), какие-то подозрительные звуки.

Надежда замерла на месте, прислушалась. На какое-то мгновение ей показалось, что за пальмой (или, точнее, монстерой) воркуют голуби. Это было довольно странно, и она осторожно выглянула.

И тут же отскочила обратно: за пальмой (или, точнее, монстерой), разумеется, не было никаких голубей. Там просто целовалась какая-то парочка.

За долю секунды даже при слабом освещении Надежда успела кое-что рассмотреть. Точнее, кое-кого, а именно женщину: это была довольно привлекательная, хотя и немного полная блондинка с длинными волосами, одетая в красивое красное платье.

Мужчина, с которым обнималась блондинка, стоял спиной к Надежде, поэтому ей удалось заметить только синий, в узкую полосочку, костюм да затылок. Затылок был самый обыкновенный – не лысый, не длинноволосый, аккуратно подстриженный. И волосы – не темные, не светлые, скорее, русые, а может, рыжеватые, а может, с легкой сединой, в полутьме было плохо видно.

Как уже было сказано, заметив целующуюся парочку, Надежда отскочила обратно и затаилась за фикусом.

Она была в полной растерянности: вернуться в зал? Но сбившаяся на сторону юбка делала это невозможным. Проскочить мимо воркующей парочки? Тоже неприлично... поискать другой, обходный, путь?

Пока она мучилась и колебалась, обстановка за пальмой внезапно изменилась: звуки поцелуев затихли, на какое-то время наступила тишина, а потом раздались приближающиеся шаги.

Надежда Николаевна в полной панике юркнула за фикус, при этом чуть не своротив какое-то незнакомое растение в большущей кадке. Она замерла, как мышь под метлой, и заметила удаляющуюся в сторону зала мужскую фигуру. Видимо, женщина в целях конспирации ушла в другую сторону (скорее всего туда, куда направлялась сама Надежда: после того, чем она занималась за пальмой, или монстерой, блондинке, разумеется, нужно было поправить макияж).

Короче, в любом случае путь освободился.

Надежда Николаевна на всякий случай выждала еще пару минут, после чего выбралась из своего укрытия и двинулась в прежнем направлении.

Однако когда она обогнула пальму (которая при ближайшем рассмотрении оказалась все же монстерой), она увидела прежнюю блондинку.

Та никуда не ушла. Она полулежала на скамеечке, поставленной в укромной нише среди растений. Голова блондинки была как-то странно запрокинута, правая рука свесилась до самого пола...

– Девушка, вам плохо? – испуганно проговорила Надежда, подходя к скамеечке.

Блондинка не шелохнулась и не издала ни звука.

«Раньше она не была такой тихоней!» – подумала Надежда, склоняясь над незнакомкой.

Как уже было сказано, освещение в зимнем саду было романтическое, то есть его почти что не было. Но даже в этом скудном освещении Надежда Николаевна разглядела, что с блондинкой явно что-то не в порядке.

Во-первых, она не шелохнулась, даже когда Надежда почти до нее дотронулась. Во-вторых, ее глаза были полуоткрыты, они смотрели сквозь Надежду на что-то, видимое только ей, только этой странной блондинке. На что-то, чего и на свете-то, наверное, нет.

– Ой! – проговорила Надежда Николаевна отчего-то почти шепотом. – Ой, мама!

Однако несмотря на такие необдуманные восклицания, Надежда не грохнулась в обморок, не сбежала и не завопила благим матом. Она была женщина решительная, практичная и храбрая. Поэтому вместо всего перечисленного она сделала вполне правильную вещь: потрогала шею неподвижной блондинки в том месте, где у всякого нормального человека положено биться пульсу.

Пульса не было.

Из этого можно было сделать единственный вывод: блондинка была мертва. На всякий случай Надежда потрогала свою собственную шею в том же месте. Там пульса тоже не было. Но именно этот факт окончательно убедил Надежду, что блондинке уже ничто не поможет.

– Мама! – повторила Надежда Николаевна. – Нет, определенно зря я сюда пришла! Ведь не хотела же идти... было у меня какое-то нехорошее предчувствие... и кошки ночью снились...

Произнеся эту не утешившую ее фразу, Надежда отступила на шаг от мертвой блондинки. Однако по-прежнему не могла отвести от нее взгляда.

Как мы уже не раз отмечали, в зимнем саду было темновато. Но тем не менее, приглядевшись к красному платью блондинки, Надежда Николаевна заметила на нем небольшое круглое пятно. Платье было красное, и пятно не бросалось в глаза, потому что было тоже красным.

– Не хотела же я сюда идти! – воскликнула Надежда еще раз и бросилась в зал, к людям. О том, что ее юбка сбилась набок, она совершенно забыла.

Вбежав в зал, Надежда Николаевна завертела головой в поисках Кого-то, Кто Может Взять Все На Себя, Принять Решение... в общем, в поисках Настоящего Мужчины, того, кому можно сообщить об ужасном происшествии, не боясь, что он поднимет крик и превратит рядовую корпоративную вечеринку в репетицию выпускного вечера в сумасшедшем доме.

При этом собственный ее муж Сан Саныч категорически отпадал. Не потому, что Надежда не считала его Настоящим Мужчиной, не подумайте плохого! Нет, просто, если она сейчас придет к мужу и сообщит ему, что нашла в зимнем саду труп, Сан Саныч выскажет ей очень много неприятного.

«Где бы ты ни появилась, – скажет ей муж, – ты всюду умудряешься влипнуть в какой-нибудь криминал! Свинья, как говорится, грязи найдет! Я взял тебя с собой как приличную женщину, а не как частного сыщика! Неужели тебе обязательно нужно было испортить наш праздник?»

И еще много чего он наговорит в таком духе. И в общем-то будет в какой-то мере прав, поскольку Надежда Николаевна Лебедева, приличная женщина средних лет с высшим техническим образованием, имела очень интересное хобби. Она обожала разгадывать всевозможные криминальные загадки. И делала это, надо сказать, с большим умением. Всевозможные криминальные истории происходили с самой Надеждой и с ее многочисленными друзьями и знакомыми с завидным постоянством, так что Надежда не могла пожаловаться на скуку и монотонность жизни. Но Сан Саныч ее пристрастий не понимал и не разделял, потому что находил такие занятия очень опасными и страшно сердился на Надежду, утверждая, что она сама ищет криминальных приключений на свою голову. Посему с некоторых пор Надежда взяла за правило ничего мужу не рассказывать, чтобы понапрасну человека не волновать. Так что муж в данном случае ничем не мог ей быть полезен.

Рядом с Надеждой Николаевной остановился официант с подносом в руках. На подносе стояли бокалы. Надежда схватила бокал и выпила его содержимое одним глотком. Вкуса напитка она совершенно не почувствовала. Официант посмотрел на нее со странным выражением – со смесью недоумения и уважения.

И тут Надежда Николаевна увидела того, кто ей нужен.

В углу зала, чуть в стороне от пьющих и болтающих гостей, стоял человек в строгом черном костюме. Лицо у него тоже было строгое и ответственное, как у капитана на мостике корабля. В отличие от веселящихся участников корпоратива он не развлекался, он работал. Точнее, отвечал за то, чтобы сегодняшняя вечеринка прошла без сбоев. Видимо, это был метрдотель или даже директор ресторана.

Надежда Николаевна протиснулась между танцующими и окликнула метрдотеля:

– Можно вас на минуточку?

Метрдотель (или кто он там был на самом деле) повернулся к Надежде Николаевне с тем выражением, с которым капитан «Титаника» уставился на роковой айсберг. Видимо, по выражению ее лица он понял, что избежать неприятностей ему сегодня не удастся.

– Я вас слушаю! – проговорил он со вздохом.

– Извините, конечно. – Надежда взяла его за локоть и понизила голос. – Боюсь, что одной девушке стало плохо. Очень плохо.

– Плохо? – Метрдотель внутренне напрягся. – Насколько плохо?

– Совсем плохо.

– Передоз?

– Хуже. Боюсь, что надо звонить не «03», а «02». То есть вызывать не «скорую», а милицию.

– Только не милицию! – Мужчина перекосялся, как будто раскусил лимон. – Где она?

– В зимнем саду.

– Идемте!

Надежда Николаевна решительно направилась к месту своего ужасного открытия. Впрочем, по мере приближения к зимнему саду ее храбрость и решимость быстро сходили на нет. Она вспомнила пустой, безжизненный взгляд блондинки и невольно замедлила шаги. Тут, по счастью, возле нее снова оказался официант с подносом. Надежда для храбрости взяла еще один бокал и торопливо выпила его...

Метрдотель (то есть тот самый Настоящий Мужчина, который шел за ней след в след) взглянул на Надежду Николаевну несколько неодобрительно. Точнее, с сомнением.

Зато сама Надежда приободрилась и прибавила шагу. Больше того, когда она перехватила насмешливый взгляд все той же кривоногой брюнетки, она встретила этот взгляд спокойно и уверенно и даже показала брюнетке язык.

Наконец они с Настоящим Мужчиной вошли в зимний сад.

Тут уж Надежда невольно затормозила, схватила своего спутника за локоть и зашептала ему прямо в ухо:

– Это здесь! Вон за той пальмой... точнее, монстерой!

– Это монстера заостренная, – уточнил метрдотель и, слегка отодвинув Надежду Николаевну, шагнул в указанном направлении.

Какое-то время он стоял неподвижно, затем повернулся к Надежде и строго спросил:

– Ну и где же она?

– Как – где? – Надежда бросилась вперед, к той самой скамеечке, на которой, как она хорошо помнила, лежала мертвая блондинка...

Но на скамеечке никого не было. Ни живого, ни мертвого. Ни блондинки, ни брюнетки, ни шатенки, ни рыжей – вообще никого.

– У вас странные шутки, – проговорил метрдотель с видимым облегчением. – Знаете, если захотите еще раз пошутить – выбирайте кого-нибудь из своих. Они, может быть, оценят ваш юмор, они все равно развлекаются, а я, если вы не заметили, работаю.

– Но она была здесь! – воскликнула Надежда. – Она лежала на этой скамейке, и у нее была кровь на платье!

– Дама, – холодно прервал ее метрдотель, – пошутили – и хватит. И советую вам перейти на более легкие напитки. Мартини с водкой иногда может пагубно воздействовать на женский организм...

– Но я ее видела! Я не шучу! – настаивала Надежда Николаевна. – Я видела ее, как сейчас вижу вас!

– Значит, ей стало лучше, и она ушла! – отрезал мужчина и решительно удалился в зал.

А Надежда еще какое-то время стояла возле злополучной скамейки и разглядывала ее в полной растерянности. При этом она вполголоса разговаривала сама с собой, что прежде было для нее нехарактерно:

– Ушла, значит? Но я же проверила ее пульс! Его не было! Абсолютно точно не было! И ее глаза... у живого человека не может быть такого взгляда! Она была мертвая, мертвая! Но тогда... как же все это объяснить? Неужели у меня начались галлюцинации? Или он прав, и все дело в выпивке? Это действительно был очень крепкий коктейль... хотя я ведь выпила его уже после...

Теперь она и правда чувствовала, как зимний сад плавно покачивается, как будто он находится не на четвертом этаже большого современного здания, а на верхней палубе океанского корабля... огромные листья монстеры заостренной закачались, словно по ним пробежал ветерок, и на какой-то момент Надежде показалось, что по веткам монстеры проскакала обезьяна... видимо, мартини с водкой начало действовать на ее неподготовленный организм!

– Надо освежиться! – проговорила Надежда сама себе и, слегка покачиваясь, направилась в дамскую комнату.

На этот раз она добралась туда без приключений.

К счастью, в туалете никого не было, никто не видел, как приличная, интеллигентная женщина средних лет плещет себе в лицо холодной водой, стараясь преодолеть пагубное воздействие спиртного.

Холодная вода себя оправдала, в голове у Надежды прояснилось.

Она сделала для себя два вывода: во-первых, больше сегодня не пить и, во-вторых, больше не посещать уединенные места вроде зимнего сада, держаться среди людей.

Окончательно протрезвев, Надежда Николаевна оглядела себя в большом зеркале и пришла в ужас: всю тщательно наложенную косметику она смыла, зато на щеках от холодной воды появились нездоровые красные пятна. К счастью, в сумочке у нее было все необходимое. Она поработала пудрой и помадой и привела свое лицо в более-менее приличный вид. Не то чтобы совсем приличный, но хоть встречные не будут пугаться.

И тут она вспомнила про свою злосчастную юбку. Ведь она именно из-за нее отправилась сюда, что и привело к роковому приключению в зимнем саду...

Надежда опустила глаза.

Юбка действительно перекосилась, молния съехала набок, вид был совершенно неприличный. Неудивительно, что та кривоногая каракатица так на нее пялилась и чуть пальцем не показывала!

Надежда Николаевна вздохнула и постаралась восстановить авторскую асимметрию своего костюма.

Возвратив непослушную юбку в исходное состояние, она немного отступила от зеркала, чтобы окинуть себя взглядом снизу доверху...

И тут Надежда увидела в этом самом зеркале дверцу одной из кабинок, расположенных у нее за спиной.

Дыхание у нее перехватило, а сердце забилось в каком-то неправильном, спотыкающемся ритме.

То есть в самой-то дверце не было ничего особенного. Дверца как дверца – белая с позолотой. Но из-под нее виднелась женская нога в изящной красной туфельке.

– Мама! – вскрикнула Надежда Николаевна, схватившись за сердце. – Опять! Нет, все-таки я сюда определенно зря пришла!

Первым ее побуждением было немедленно убежать из туалета, вернуться в наполненный веселящимися людьми зал, смешаться с этими людьми и постараться забыть все виденное как дурной сон... именно так бы на ее месте поступили девять женщин из десяти.

Но Надежда Николаевна была женщина необычная. Она никогда не поступала как все, за что ее неоднократно осуждал муж. Впрочем, если бы она была такой, как все, вряд ли Сан Саныч обратил на нее внимание.

Короче, Надежда поняла, что если она сейчас позорно сбежит отсюда, не выяснив все до конца, она этого себе никогда не простит и до конца своих дней полностью утратит сон и аппетит.

И она сделала то, о чем впоследствии не раз пожалела.

Подошла к злополучной кабинке и открыла дверцу...

Внутри кабинки, как и следовало ожидать, находилась та самая блондинка, бесследно исчезнувшая из зимнего сада. Она лежала на кафельном полу в ужасно неудобной позе – скрюченная, как младенец в утробе матери, с неестественно вывернутой шеей и поджатыми под туловище руками. Казалось, что она постаралась сжаться в комочек, чтобы ее не было видно снаружи. Только одна нога неудачно выпрямилась, почему ее и заметила Надежда Николаевна.

Впрочем, говорить о неудобной позе можно только применительно к живому человеку. Эта же блондинка была, несомненно, мертва, как и прошлый раз. Об этом говорила как несуразно повернутая голова, так и полуоткрытые глаза все с тем же странным выражением – как будто обладательница этих глаз видит что-то такое, чего не видит никто, кроме нее. Чего и на свете-то не существует.

Однако Надежда Николаевна не поленилась снова проверить пульс.

Она приложила два пальца к шее блондинки и убедилась, что пульс отсутствует. Тогда она выпрямилась, окинула труп внимательным взглядом и постаралась проанализировать свои ощущения.

Сейчас она определенно не была пьяна, стены туалета не колыхались, не покачивались, и никаких обезьян в обозримых окрестностях не наблюдалось. Значит, мертвая блондинка не результат ее, Надежды, реакции на алкоголь... и не галлюцинация...

Или все-таки...

Надежда Николаевна зажмурила глаза, постояла так целую минуту и снова взглянула вниз. Перед глазами от напряжения мелькали цветные пятна, но блондинка никуда не делась, она лежала на полу в прежней позе.

Значит, не галлюцинация.

Но тогда... тогда нужно что-то делать!

Надежда вспомнила насмешливый взгляд метрдотеля, его издевательские слова и почувствовала непреодолимое желание поставить наглеца на место, ткнуть его, так сказать, носом в этот труп...

Но прежде чем отправиться на поиски метрдотеля, она решила на этот раз кое-что сделать.

Рядом с трупом лежала крошечная сумочка. Конечно, красная, как туфли и платье. Сумочка была растягнута. Надежда Николаевна наклонилась и опасливо запустила в эту сумочку руку.

Она представила, как выглядит со стороны – склонившись над мертвой женщиной, роется в ее сумке! Только бы никто сейчас сюда не зашел, иначе ей ни за что не оправдаться!

Сумочка, как уже сказано, была очень маленькая, в ней помещалось совсем мало вещей, не было даже кошелька. Не было, конечно, и документов – паспорт с собой никто не носит, а водительские права на такую вечеринку тоже брать незачем, все равно все заказывают такси, иначе и выпить нельзя. В сумочке было только немного косметики – губная помада в золотистом патрончике, тушь, пудреница, маленький флакончик духов. Все это вещи обыкновенные, распространенные, почти ничего не говорящие о своей хозяйке и ничего не доказывающие... и тут под пудреницей, на дне сумочки, Надежда Николаевна увидела картонный прямоугольник с золотым обрезом – визитную карточку!

Вот то, что нужно!

Она достала визитку, прочитала – Нелли Дмитриевна Сеницкая, психолог. Так вот как зовут эту злополучную блондинку – Нелли Дмитриевна... честно говоря, имя ей не очень подходило. Но это не важно, важно, что у Надежды теперь было в руках материальное доказательство существования этой самой блондинки, доказательство того, что та ей вовсе не померещилась.

Надежда сунула визитку в свою сумку и, выскочив из туалета, чуть не бегом отправилась обратно, в зал ресторана, чтобы привести сюда недоверчивого метрдотеля и предъявить ему труп.

Она вихрем пролетела через зимний сад, ворвалась в зал и почти сразу увидела метрдотеля.

Он стоял на прежнем месте, возле стены, но на этот раз не оглядывал зал, как капитан корабля оглядывает палубу. На этот раз он о чем-то вполголоса разговаривал с той самой кривоногой брюнеткой. И как-то противно хихикал.

Машинально отметив, что этой вездесущей брюнетки на празднике слишком много, Надежда отвернулась.

Теперь метрдотель не казался Надежде Николаевне Тем, Кто Принимает Решения, Тем, Кто Все Берет На Себя... в общем, он больше не казался ей Настоящим Мужчиной. И она даже сомневалась, стоит ли к нему обращаться... но, вспомнив его насмешливый взгляд и высокомерные слова, она поняла, что просто обязана доказать ему свою правоту, обязана доказать, что она не истеричная дамочка, подверженная галлюцинациям, и не алкоголичка, допившаяся до белой горячки. Поэтому она решительно подошла к метрдотелю и, не обращая никакого внимания на кривоногую особу, проговорила вполголоса:

– Как хотите, а она снова появилась.

– Кто? – осведомился мужчина, оглядев Надежду неприязненным взглядом. – Кто появился?

– Та девушка, о которой я вам говорила. Та девушка, которую я видела в зимнем саду. Теперь я нашла ее в... в другом месте, но она по-прежнему мертвая!

Последние слова Надежда Николаевна произнесла так тихо, чтобы их не услышал никто, кроме метрдотеля.

– Вы уверены? – Мужчина устало опустил веки. – Я же говорил вам...

– Я уверена! – повторила Надежда с нажимом. – Пойдемте со мной, и вы сами убедитесь...

Метрдотель все еще колебался, и тогда она добавила:

– Если вы не хотите – я вызову милицию... пускай они сами разбираются!..

– Только не это! – простонал мужчина. – Ладно, идемте, посмотрим... – Он взглянул на мисс Кривые Ноги, чуть заметно пожав плечами, словно хотел сказать – вы видите, я ничего не могу поделать!

Та громко фыркнула, но Надежде на это было ровным счетом наплевать.

Она устремилась в прежнем направлении, через зимний сад. На пороге дамской комнаты на мгновение задержалась, бросила взгляд на своего спутника и проговорила:

– Это здесь. У вас нет никаких предрассудков?

– Ну, раз уж вы так хотите мне что-то показать... – И он решительно вошел вслед за ней в туалет.

– Это здесь! – повторила Надежда и шагнула к крайней справа кабинке, той самой, где, как она помнила, лежала покойница.

Кабинка была пуста. Ни трупа, ни каких-то доказательств его пребывания – ни красной туфельки, ни выпавшей из сумочки туши или пудреницы...

– Но она была здесь... – растерянно проговорила Надежда, разглядывая кафельный пол, словно надеялась, что на нем внезапно материализуется неуловимый труп. – Она была здесь...

Она боялась повернуться к метрдотелю, но даже спиной чувствовала его взгляд – презрительный, насмешливый, издевательский...

– Наверное, это в другой кабинке... – пробормотала Надежда Николаевна и без всякой надежды на успех распахнула вторую, третью, четвертую кабинку...

Все они были пусты.

– Вам еще не надоело? – чрезвычайно сухо осведомился метрдотель. – Знаете, что я вам скажу? Эта шутка и с самого начала была достаточно глупая, но повторять ее снова, еще и еще раз – это уже ни в какие ворота не лезет!

– Но она была, была! – в отчаянии воскликнула Надежда. – Я даже взяла у нее из сумочки визитку...

– Визитку? – переспросил мужчина с вежливым интересом. – Где же она?

– Вот, у меня в сумке... – Надежда Николаевна расстегнула свою собственную сумку и принялась рыться в ней. Ей попались под руку расческа, ключи от квартиры, пачка бумажных носовых платков, сложенная вчетверо записка с перечнем продуктов, которые она собиралась купить позавчера в магазине, использованные билеты в кино, календарик за прошлый год, невесть как попавшая сюда фирменная упаковка сахара из кафе «Гурман», пудреница...

Она подумала, что в ее сумке в отличие от красной сумочки беспокойной блондинки нет никакого порядка, в ней уйма лишних вещей, которые давно нужно было выкинуть, и тут наконец нашла чертову визитку.

– Да вот же она, – проговорила Надежда, протягивая визитку метрдотелю.

– Интересно. – Тот взял визитку двумя пальцами. – Сейчас мы наконец узнаем, как зовут вашу неуловимую покойницу...

Он взглянул на карточку и с непередаваемым сарказмом сообщил:

– Ее зовут Лев Борисович Марковский, и она – стоматолог...

– Ах, это не то... – Надежда Николаевна всплеснула руками. – Это действительно визитка моего стоматолога... я хотела сходить к нему на следующей неделе...

– Вот и идите, – посоветовал ей метрдотель, возвращая ей карточку. – Сходите к стоматологу, к терапевту... а лучше всего к психиатру! И больше не действуйте мне на нервы!

– Но она была... – пролепетала Надежда, тупо глядя в свою раскрытую сумку.

– Все, хватит! – Лицо метрдотеля перекосилось. – Мне это уже надоело! Хорошенького понемножку!

В это время дверь туалета распахнулась, туда заглянула молодая девица в коротком черном платье. Девица была сильно навеселе. Увидев мужчину, она решила, что ошиблась дверью, попятилась, взглянула на буквы на двери и снова шагнула внутрь:

– Эй, лапусик, ты, часом, ничего не перепутал?

– Да вот, сделал операцию по перемене пола, а все никак не привыкну, – ответил метрдотель с обворожительной улыбкой и удалился.

Девица проводила его заинтересованным взглядом, вошла в туалет, покачиваясь, и только тут заметила Надежду Николаевну.

– Я вам, кажется, помешала? – проговорила она насмешливо. – У вас здесь было свидание?

– Ничего страшного, – ответила Надежда с улыбкой. – Это был деловой разговор.

Она вышла прочь, изо всех сил сохраняя на лице улыбку, и снова пошла в сторону зала. Когда ехидная девица скрылась из виду, улыбка на лице Надежды сменилась напряженным выражением.

«Что же происходит, – думала Надежда Николаевна. – Ведь я ее действительно видела... Неужели я схожу с ума? Или мне что-то подмешали в бокал?»

За этими неприятными мыслями она не замечала, куда идет, и очнулась, только когда оказалась в шумной и жаркой ресторанной кухне.

Перед ней, как матросы на корабле, суетились повара и поварята. Кто месил тесто, кто шинковал овощи, кто разделявал мясо, кто колдовал над соусом. Посредине кухни величественно и невозмутимо возвышался шеф-повар, мрачный брюнет с пышными кавказскими усами, в белоснежной поварской куртке и высоченном крахмальном колпаке. К нему время от времени подбегал кто-нибудь из подчиненных и подобострастно обращался:

– Нодар Вахтангович, попробуйте соус!

– Нодар Вахтангович, понюхайте кинзу!

– Нодар Вахтангович, взгляните на сациви!

– Нодар Вахтангович, эти орехи подойдут?

И Нодар Вахтангович пробовал, нюхал, смотрел и величественно кивал, давая добро, или мотал головой, отвергая.

Казалось, что в этом жарком и шумном мире невозможно за всем уследить, однако едва Надежда Николаевна показалась на пороге кухни, шеф-повар заметил ее, моргнул черным выпуклым глазом, грозно нахмурился и рывкнул низким рокочущим голосом:

– Па-асторонние на кухне!

Это прозвучало примерно как «человек за бортом» и вызвало такой же переполох. Ближние к Надежде повара повернулись к ней и зашикали, замахали руками, выпроваживая ее из святой святых...

Впрочем, Надежда Николаевна и сама хотела поскорее отсюда убраться. Здесь ей нечего было делать, она была совершенно чужой и лишней в этом храме чревоугодия.

Надежда толкнулась в какую-то дверь, пробежала коротким коридорчиком и оказалась в помещении, которое было полной противоположностью кухни: если там былолюдно и жарко, здесь, напротив, тихо, пусто и холодно. Это подтверждало известный философский тезис о единстве противоположностей – ведь это помещение было неременным дополнением к кухне.

Просторная и прохладная комната, облицованная белым стерильным кафелем, была, как нетрудно догадаться, продовольственной кладовой.

По стенам стояли шкафы и шкафчики, ящики и пеналы, на застекленных полках которых ровными рядами выстроились бутылки с уксусом и маслом, банки с пряностями и приправами, коробки с крупами и прочей бакалеей. Между ними красовались сплетенные в косы головки лука и чеснока, но главное место в кладовке занимал, конечно, огромный промышленный холодильник, в который свободно могла бы поместиться целая бычья туша, не говоря уже о свиных окороках и разделанных барашках.

В кладовой стоял сложный и восхитительный запах, представлявший собой смесь запахов трав и пряностей, зелени и солений. Этот запах заставлял вспомнить восточный базар с его пестрыми лотками и шумными, крикливыми торговцами.

Впрочем, Надежде было не до запахов. Она хотела скорее покинуть служебные помещения и вернуться в ресторанный зал, чтобы отыскать там мужа, прижаться к его широкому плечу и ощутить наконец покой и утешение... правда, не могло быть и речи о том, чтобы пересказать мужу историю ее сегодняшних походов, но само присутствие Сан Саныча действовало на нее благотворно и утешительно.

Она заметила на другой стороне кладовой неплотно прикрытую дверь и подумала, что там может быть выход. Пройдя мимо холодильника, открыла эту дверь и остановилась.

Выхода за дверью не было, за ней был маленький чуланчик, в котором висели на крючках и плечиках белые поварские куртки и халаты.

Надежда Николаевна хотела уже закрыть дверь и поискать выход в другой стороне, как вдруг увидела торчащие из-под длинного халата женские ноги.

Ноги были красивые, стройные. На одной ноге была хорошо знакомая Надежде красная туфелька, вторая нога – босая. Видимо, вторая туфля потерялась по дороге.

– Мама! – проговорила Надежда, зажмурившись. – Ну сколько можно! Все-таки зря я сюда пришла! Опять эта непоседливая блондинка! Никуда от нее не деться!

Она хотела уже уйти и сделать вид, что на этот раз ничего не видела, но какая-то непреодолимая сила все же заставила ее открыть глаза, сделать шаг вперед и отдернуть халат...

За ним действительно была блондинка.

На какой-то страшный миг Надежде Николаевне показалось, что покойница ожила, что она стоит в углу чулана и смотрит на нее, на Надежду, с выражением удивления и недовольства – мол, что ты опять притащилась, не даешь мне покоя...

– Здравсте... – машинально проговорила Надежда Николаевна и пришла в себя от звука собственного голоса.

Разумеется, блондинка была мертва, как и раньше. Просто кто-то продел у нее под мышками ремень и при помощи этого ремня, зацепленного за вешалку, придал покойнице вертикальное положение.

В остальном она выглядела точно так же, как прежде, – голова ее была неловко, неестественно повернута, а полукрытые глаза смотрели сквозь Надежду с таким странным выражением, как будто мертвая женщина видела что-то недоступное всем живым...

– Боже мой! – проговорила Надежда Николаевна, пятясь. – Ну за что это мне? Ну чем я провинилась? И ведь опять мне никто не поверит! Наверняка если я вернусь сюда с кем-нибудь еще, этого трупа здесь не будет! Что же это такое? Покойница играет со мной в прятки? Или я действительно схожу с ума?

Она осторожно, чтобы не нарушить покой мертвой, прикрыла дверь чулана и пошла обратно. Мыслей у нее в голове просто не осталось.

Выйдя из кладовки, Надежда Николаевна наткнулась на одного из младших поваров. Он шел ей навстречу, видимо, за какой-то приправой. Увидев Надежду, повар нахмурился и произнес голосом трамвайного контролера:

– Вы здесь что? Вы здесь зачем? Вам здесь нельзя! Посторонним здесь не положено!

Надежда, увидев повара, улыбнулась ему туманной полубезумной улыбкой, поднесла палец к губам и прошептала:

– Молодой человек, пойдемте со мной! Я вам что-то покажу!

– Что покажете? Зачем покажете? Почему покажете? – забормотал повар, но тем не менее последовал за Надеждой.

Она вернулась в кладовую, пересекла ее и осторожно толкнула дверь чулана. Тихо хихикая, повернулась к повару и спросила:

– Ну как, есть здесь что-нибудь?

Сама она боялась заглядывать в чулан.

Повар сунулся внутрь, какое-то время постоял на пороге и повернулся к Надежде:

– Ну, халаты, ну, куртки... Что вы мне показать-то хотели?

– И больше ничего? – опасливо проговорила Надежда и наконец решилась заглянуть через его плечо.

Блондинки, конечно, не было.

«Наверное, я все-таки схожу с ума! – подумала Надежда Николаевна. – Интересно, это лечится?»

Она выбралась наружу и прикрыла глаза.

– Так в чем дело? – строго осведомился повар.

Надежда захихикала.

– Закусывать нужно! – проворчал повар.

В ответ Надежда Николаевна совершенно неожиданно для себя пропела:

– Облака, белогривые лошади...

Повар взглянул на нее испуганно.

– Вы куда все спешите без оглядки... – продолжила Надежда высоким звонким голосом.

– Не надо, а? – тихо попросил ее повар. – Идите к своим... вы тут с мужем, наверное?

– С мужем... – кивнула Надежда Николаевна.

– Вот к мужу и идите...

– Всенепременнейше! – И Надежда заторопилась прочь.

Проходя мимо холодильника, она на секунду задержалась и взглянула на его огромные металлические двери, больше напоминающие гаражные ворота. «А ведь наверняка теперь она там...» – подумала Надежда Николаевна, но проверять эту гипотезу не захотела.

На этот раз она как-то ловко миновала все служебные помещения и через несколько минут уже вернулась в ресторанный зал.

Веселье там понемногу сходило на нет. Только две особо упорные пары еще двигались в медленном танце, остальные потихоньку собирались, кое-кто уже разъехался по домам.

В дверях зала Надежда налетела на мужа.

– Надя, ты где была? – озабоченно спросил он.

– Поедем домой, – жалобно сказала она, – я тут больше не могу находиться...

– Ну конечно, поедем! – ответил муж. – Я только тебя ждал...

Посреди ночи Надежда Николаевна внезапно проснулась.

Во рту было сухо, в голове тяжело бухало, как будто там забивали сваи.

«Вот что значит два martini с водкой!» – подумала Надежда и тихонько выбралась из кровати, стараясь не потревожить мужа.

Муж тяжело вздохнул, пробормотал что-то неразборчивое и перевернулся на другой бок.

Надежда нашарила тапки и побрела на кухню.

В коридоре ей навстречу попался кот Бейсик, который крался куда-то по своим ночным кошачьим делам. Увидев Надежду, он посмотрел на нее дико и только что не повертел лапой у виска.

Надежда взглянула на кота виновато, но тут же мысленно одернула себя: этак она скоро будет извиняться перед этим рыжим нахалом! В конце концов, кто в доме хозяин?

В действительности вопрос этот был спорный, и сам кот считал, что хозяин в доме, несомненно, он.

Добравшись до кухни, Надежда огляделась. Чайник был пуст, но она помнила, что в холодильнике должна быть коробочка апельсинового сока.

Она подошла к холодильнику, открыла дверь...

И чуть не упала в обморок.

В холодильнике, неуклюже скорчившись, сидела давешняя блондинка в красном платье. На груди у нее отчетливо виднелось кровавое пятно, глаза были полуоткрыты.

Но как только дверца холодильника распахнулась, блондинка шевельнулась, широко открыла глаза и проговорила низким, хрипловатым голосом:

– Зря ты сюда пришла!

– Мама! – завопила Надежда Николаевна... и проснулась.

Она лежала в собственной постели, рядом с ней полусидел муж.

– Надя, что с тобой? – проговорил он озабоченно.

– Так, ничего особенного... – ответила Надежда, справившись со своим голосом. – Сон страшный приснился...

– Надя, тебе нужно серьезно подумать о своем здоровье! – проговорил муж строгим внушительным голосом. – По-моему, ты очень запустила свою нервную систему!

– Все у меня в порядке! – проворчала Надежда, укладываясь. – Спи, тебе завтра рано на работу.

– Работу... – повторил муж сонным голосом, повернулся на бок и издал уютный тихий вздох.

Наутро Надежда встала поздно, когда муж уже давно ушел. Она слегка устыдилась этого, поскольку соблюдала самой собой установленное правило – всегда вставать раньше мужа, кормить его завтраком и провожать на работу. Так он утром отложит в памяти, что жена у него есть, и на работе нет-нет да и вспомнит. И вечером поспешит домой, не отвлекаясь на пустые разговоры с молодыми привлекательными сотрудницами.

На самом деле Надежда Николаевна не слишком опасалась такого поворота событий, мужу своему она доверяла и вовсе не собиралась унижать его подозрениями и превращать его

жизнь в непрерывный кошмар своей немотивированной ревностью. Не в ее это характере, уж очень хлопотно.

Но береженого, как известно, Бог бережет. И если уж там наверху звезды расположатся так, что Надеждина семейная жизнь даст приличный крен (что очень маловероятно), то у нее по крайней мере останется твердое убеждение, что для сохранения собственного брака она сделала все, что могла.

Сегодняшнее утро было исключением, она проспала. Зато отлично выспалась, и голова свежая. Мыслей, однако, в голове никаких не наблюдалось, пришлось применить стимуляторы в виде горячего душа и крепкого сладкого кофе.

– Должна отметить, – сказала она коту Бейсику, который сидел на табуретке и пытался внушить хозяйке мысль, что Сан Саныч утром в спешке забыл накормить его завтраком, – что все эти хитрые коктейли не для меня. Переходим на минеральную воду.

Бейсик разочарованно вздохнул, сообразив, что его телепатические способности оставляют желать лучшего или просто на хозяйку они не действуют.

Надежда Николаевна решила, что для поддержания сил и для стимуляции умственных способностей можно съесть еще один бутерброд, и рука ее сама отрезала коту кусок ветчины. Бейсик приободрился и пересел поближе – мало ли еще что перепадет.

Мало-помалу в голове Надежды ожили все неприятные воспоминания прошлого вечера – как она три раза находила труп неизвестной блондинки в красном платье, как труп все время исчезал и какие слова говорил ей метрдотель в ресторане.

Сейчас, в спокойной домашней обстановке, Надежда Николаевна в принципе его понимала. В самом деле: человек на ответственной работе, попробуй-ка поддерживать порядок среди такого количества веселящейся публики в сильном подпитии! А тут все время шляется какая-то подозрительная тетка и твердит, что нашла труп! Ну, допустим, в первый раз поверил, испугался, прибежал – нету никакого трупа! Во второй раз пришел нехотя, шагом – и, конечно, сильно разозлился на такие шутки. А уж в третий раз, будь его воля, он бы Надежду просто придушил бы в той самой кладовой. Хорошо, что в третий раз попался ей простой повар, ему все до фени, лишь бы свою работу выполнить. Мало ли пьяненьких дамочек забредают на кухню от чрезмерного потребления веселящих напитков...

Надежда Николаевна представила, какой дурой она выглядела в глазах повара, когда пела детскую песенку про облака, и тяжело вздохнула. Стыд какой! Больше она в тот ресторан ни за что не пойдет! И вообще рестораны – это не для нее...

Но однако, нужно признать, что такое с ней произошло впервые. Ну, выпила два или три коктейля, но не наркотики же они в них подмешивают, чтобы такие глюки появились!

К тому же сейчас она точно вспомнила, что труп увидела еще до того, как попробовала первый коктейль. А до этого пила только шампанское и еще вино за ужином.

Сообразив, что вина тоже было многовато, Надежда виновато взглянула на кота:

– Выходит, я просто перебрала спиртного вчера... Стыд какой! В моем-то возрасте!

Кот дернул плечом и отвернулся.

«Алкоголиками не рождаются, ими становятся, – ехидно произнес внутренний голос, – все когда-то случается в первый раз... Сначала ты находишь несуществующие трупы, потом ловишь чертей или зелененьких человечков по углам собственной квартиры, а там уж глядишь – и пьешь настойку овса в грязном подвале в обществе таких же деклассированных элементов...»

Такого Надежда Николаевна стерпеть никак не могла, у нее с ее внутренним голосом и без того были очень сложные отношения. Обычно он во всем был солидарен с ее мужем Сан Санычем, то есть всегда советовал сидеть тихо, заниматься домашним хозяйством и не вмешиваться в разные сомнительные передраги. В данном же случае внутренний голос нарочно Надежду подзуживал и подстрекал к необдуманным поступкам.

– Ах так! – сказала она раздраженно. – Ну так я разберусь в этом загадочном деле!

В самом деле, она так ясно помнила несчастную мертвую блондинку. Длинные светлые волосы, красивое красное платье, немного полновата, но тело не рыхлое. Ну не могло Надежде такое привидеться, да еще три раза подряд!

Надежда как бы воочию увидела скорчившуюся фигуру в кабинке туалета, одну ногу в красной туфельке и крошечную красную сумочку, валявшуюся рядом.

Стоп! Надежда вскочила, оттолкнув кота, который пытался под шумок дотянуться до оставшейся ветчины, и побежала в прихожую, где с прошлого вечера валялась ее собственная сумка. Она вспомнила, что прихватила вчера из сумочки мертвой дамы визитную карточку. Там было написано... Что же там было? Имя, фамилия и должность, а самое главное – телефон. Чего проще – позвонить по телефону неизвестной даме. Если она ответит, стало быть, жива и здорова, и Надежде действительно лучше не употреблять крепких коктейлей. А вот если ее нет, тогда Надежда попробует разузнать, что с ней случилось...

За такими мыслями Надежда остервенело рылась в куче мелочей, вываленных из сумки. Попалась пара визиток, но не тех – все тот же стоматолог Лев Борисович и карточка фирмы по продаже кондиционеров – один Бог знает, как она оказалась в сумке, кондиционер Надежде был напрочь не нужен.

Надежда взяла себя в руки и стала перебирать вещи аккуратно, вдумчиво, откладывая в сторонку, в который раз давая себе слово, что не будет больше совать в сумку все, что попало под руку, или хотя бы будет разбирать завалы раз в неделю.

Нужной визитки не было.

И вот когда Надежда Николаевна уже отчаялась и начала потихоньку думать о том, что, хотя чувствует она себя молодой, энергичной и полной сил, против природы не погрешь и годы все же берут свое, так что следует полностью исключить спиртное, острое, жирное, да и сладкое заодно, попить витаминов и больше бывать на свежем воздухе, в руки ее сама собой прыгнула визитка.

Видимо, она вывалилась из внутреннего кармашка или вообще из-за подкладки.

Надежда уставилась на визитную карточку, как будто это было что-то среднее между трехметровой королевской коброй в скверном настроении и противотанковой гранатой с выдернутой чекой.

Значит, вчерашние приключения с неугомонным трупом не были плодом ее больного воображения?

Блондинка в красном платье существовала.

Более того, у нее есть имя и даже фамилия. Ее зовут Нелли Дмитриевна Сеницкая... или, точнее, звали...

В любом случае, чтобы выяснить все до конца, нужно позвонить по указанному на карточке телефону.

Надежда набрала номер и откашлялась.

Трубку сняли моментально, и молодой женский голос проговорил с заученной вежливостью:

– Офис доктора Сеницкой!

В этом голосе не было слышно слез, или надрыва, или хотя бы сдержанной скорби, которую, казалось бы, можно ожидать от сотрудницы только что умершего человека.

Впрочем, подумала тут же Надежда Николаевна, если вчерашняя блондинка действительно была Сеницкая и если ее труп продолжал вести себя так же непосредливо, то его, вероятно, все еще не нашли, и секретарша еще понятия не имеет, что случилось с Нелли Дмитриевной... ну не пришла начальница вовремя на работу, с кем не бывает... особенно если накануне она была на вечеринке...

– Скажите, – осторожно начала Надежда, – а могу я поговорить с Нелли Дмитриевной? Или ее еще нет?

– Почему же! – бодро отозвалась секретарша. – Нелли Дмитриевна на месте... А вы, извините, хотите записаться к ней на прием? Или вы уже записаны?..

«Вот так так! – подумала Надежда, слегка отстранившись от телефонной трубки. – Она на месте! Значит, она жива-здорова! Но тогда... тогда все вчерашнее мне действительно помешалось? Значит, у меня в самом деле проблемы с головой?»

Впрочем, тут же ей пришло в голову куда более разумное объяснение: ведь та блондинка могла вовсе и не быть психологом Синицкой! Нелли Дмитриевна могла просто дать ей свою визитку... но тогда... тогда Синицкая наверняка должна знать ту несчастную! Короче, как ни крути, Надежде нужно с ней увидеться!

Все эти мысли пронеслись в голове Надежды Николаевны в какую-то ничтожную долю секунды. Она снова прижала трубку к щеке и проговорила:

– Да, я хочу записаться к ней на прием. Только, если можно, прямо сегодня.

– Сегодня? – Секретарша задумалась, послышался негромкий шорох – видимо, она листала ежедневник. – Да, вы знаете, вам повезло. У нас как раз сегодня один клиент отказался от визита, так что освободилось время ровно через час. Вы успеете добраться?

Надежда Николаевна ответила, что успеет. Правда, в глубине души она была уверена, что секретарша выдумала про отказавшегося клиента, на самом деле у психолога не такое уж забитое расписание, вряд ли клиенты стоят к ней в очередь.

Через час она уже подошла к дому в тихом переулке в самом центре города, неподалеку от Малой Конюшенной. Дом был приличный, недавно отремонтированный, с красивыми колоннами по фасаду, на железной двери стоял пульт современного домофона, над ним виднелся глазок видеокамеры.

Надежда Николаевна нажала кнопку с номером квартиры и назвала свою фамилию.

Замок щелкнул, дверь открылась.

За ней оказался аккуратный холл, выложенный розовой плиткой, в углу холла имелся даже хорошо сохранившийся камин, отделанный лепниной. Правда, видно было, что он уже много лет не топится и выполняет чисто декоративные функции.

В лифте было чисто, пол застелен зеленым ковриком, на стене висело зеркало.

Надежда Николаевна взглянула на свое отражение, слегка расстроилась – после вчерашней вечеринки она выглядела не лучшим образом. С другой стороны, если она идет к психологу, стало быть, имеются проблемы со здоровьем, и бледное лицо и тревожный блеск в глазах будут весьма кстати.

Поднявшись на третий этаж, она позвонила в квартиру. Дверь тут же распахнулась, за ней стояла невысокая румяная девушка с короткой стрижкой и милыми ямочками на щеках.

– Заходите, – проговорила она с улыбкой. – Нелли Дмитриевна сейчас освободится.

По приятному голосу Надежда Николаевна узнала ту самую девушку, с которой разговаривала по телефону. Значит, она была не только секретаршей, а выполняла самые разные обязанности, от горничной до ассистента...

Надежда разделась и прошла в приемную.

На стене перед ней висела абстрактная картина – разноцветные пятна смешивались и плавно перетекали друг в друга. Эти пятна напоминали облака, подсвеченные лучами закатного солнца. Надежда Николаевна уставилась на эту картину и почувствовала, как нервное напряжение последних суток постепенно отпускает ее.

«Хорошая картина, – подумала она. – Надо будет узнать, не продаются ли где-то репродукции».

Тут дверь рядом с ней открылась, выглянула все та же румяная девушка, только теперь на ней был коротенький белый халатик. Видимо, на этот раз она выполняла функции ассистента.

– Заходите, – пригласила она Надежду.

Кабинет Нелли Дмитриевны был просторен и обставлен в простом минималистском стиле. Сама хозяйка кабинета сидела за строгим черным письменным столом, на котором стоял почему-то метроном да лежал блокнот с ручкой. Еще на этом столе был бронзовый бюст благообразного старичка в очках и с бородой.

Кроме стола, в кабинете имелись пара стульев, низкое кожаное кресло и узенькая кушетка возле стены. Надежда вспомнила, что у психоаналитиков в кабинете обязательно есть кушетка, но вот должна ли она быть у обычного психолога?

По стенам было развешено несколько таких же абстрактных картин, как та, что висела в приемной.

Этим и исчерпывалась обстановка.

Но разумеется, самым важным в любом кабинете является его хозяин, в данном случае хозяйка.

Самое первое и самое главное – это была отнюдь не та блондинка, в чьей сумочке Надежда Николаевна нашла визитку.

Во-первых, хозяйка кабинета Нелли Дмитриевна Синицкая была брюнетка. Конечно, для женщины цвет волос – это величина переменная, блондинка может превратиться в брюнетку за час, а то и быстрее. Современные краски для волос делают просто чудеса. Во-вторых, если вчерашняя блондинка была немного полновата, то Нелли Дмитриевна, напротив, худа, как скелет из школьного кабинета анатомии, а это уже куда серьезнее: таких быстродействующих средств для похудения наука, к сожалению, пока не изобрела. И в-третьих, она была значительно старше вчерашней блондинки, ей было по крайней мере лет сорок, а уж с возрастом вообще шутки плохи.

«Что же это значит? – думала Надежда Николаевна, пока пересекала кабинет. – Одно из двух: либо все вчерашние приключения мне все же приснились, точнее – померещились под воздействием алкоголя, либо... либо все гораздо проще. Госпожа Синицкая просто дала свою визитку той несчастной блондинке, причем дала ее именно на вчерашней вечеринке, потому что в сумочке у той не было ничего лишнего, только минимум косметики».

– Прошу вас, садитесь! – проговорила хозяйка кабинета, с приветливой улыбкой указывая Надежде Николаевне на низкое кресло напротив своего стола.

Надежда опустилась в это кресло и поняла, насколько здесь все продумано. От того, что кресло было таким низким, Надежда Николаевна смотрела на Синицкую снизу вверх и от этого чувствовала себя в подчиненном и зависимом положении. Но от того, что кресло было мягким и удобным, это зависимое положение несколько ее не унижало, напротив, она ощутила исходящее от Нелли Дмитриевны излучение уверенности и заботы.

– Итак, на что вы жалуетесь? – спросила Синицкая, внимательно взглянув на клиентку. – Точнее, что вас беспокоит?

Надежда задумалась, и Нелли Дмитриевна, желая ей помочь, проговорила:

– Ведь вас же что-то беспокоит, правда? Иначе вы не пришли бы ко мне... у нас в стране пока еще не принято ходить к психологу на профилактический осмотр!

– Да, доктор! – спохватилась Надежда Николаевна. – Меня беспокоят странные провалы в памяти. К примеру, я встречаю человека, знаю, что уже видела его, но не могу вспомнить, где и когда... а это и правда довольно мучительно. Знаете, когда не можешь чего-то вспомнить – это так раздражает!

– Это интересно, это очень интересно... – Синицкая открыла свой блокнот и сняла колпачок с ручки. – Довольно распространенный симптом... вытеснительная амнезия... Кстати, хотела спросить у вас, от кого именно вы узнали обо мне? Кто дал вам мой телефон? Или вы нашли его в рекламном издании?

– Вот как раз об этом я и хотела с вами поговорить! – оживилась Надежда. – Я вчера была на корпоративной вечеринке, там познакомилась с молодой женщиной, очень привлекательная блондинка лет тридцати. Мы с ней очень мило поговорили, и это как раз она дала мне вашу визитку. Ну, знаете, как это иногда бывает, разговорились две дамы перед зеркалом... Слово за слово, она и отдала визитку, сказала, что вы мне поможете с моими проблемами... Но сегодня я никак не могу вспомнить, как ее зовут... а я хотела позвонить ей, поблагодарить за участие, да и за ваш телефон, конечно...

– На вечеринке? – Синицкая внимательно посмотрела на Надежду. – Случайно, не в ресторане «Галеон»?

– Именно! – Надежда Николаевна оживилась. – А вы тоже там были? То-то ваше лицо показалось мне удивительно знакомым! Вот, кстати, опять та же история: вижу, что знакомое лицо, но никак не могу вспомнить, откуда я вас знаю...

– Да, возможно, мы там пересеклись... – Синицкая забарабанила пальцами по столу. – Так, говорите, блондинка?..

– Да, такая симпатичная... немного полная, но это ее ничуть не портило – знаете, то, что называют приятной полнотой...

– Не помню, не помню... – пробормотала Нелли Дмитриевна, но Надежде отчего-то послышалась в ее голосе фальшь, да и глаза она отвела, правда, тут же спохватилась и взглянула на Надежду прямо. – Я многим раздаю свои визитки... знаете – чем больше раздашь визиток, тем больше клиентов. Человек ведь не знает, когда конкретно ему может понадобится психолог... вроде бы все хорошо – и вдруг стресс, или затяжной грипп с осложнениями, или измена мужа, к примеру, и все, клиент, что называется, созрел...

– Надо же! – Надежда Николаевна изобразила оживание. – Выходит, мы с вами вчера были на одной вечеринке? Как, однако, тесен мир! Особенно у нас в городе!

Про себя она подумала, что это немного странно – ведь у самой Нелли Дмитриевны нет никаких провалов в памяти, так что она должна бы помнить, кому давала свои визитки.

– Да-да... – машинально отозвалась Синицкая. – Мир действительно тесен...

Она встала из-за стола, подошла к Надежде, внимательно посмотрела в ее глаза, приподняв пальцем веки.

– Так, значит, вы жалуетесь на провалы в памяти?

Надежда не успела ничего ответить, как вдруг Нелли Дмитриевна выхватила из-за спины молоток и ударила пациентку по колену. Надежда Николаевна вскрикнула, взбрыкнула ногой, при этом нечаянно пнула психолога.

Синицкая ловко отскочила, вернулась за свой стол и задумчиво проговорила:

– Коленный рефлекс хороший, даже слишком. А головных болей у вас не бывает?

– Да нет, пожалуй... – Надежда честно задумалась. – Ну разве что при резкой перемене погоды...

На самом деле голова у Надежды болела крайне редко, даже сегодня, после вчерашних возлияний, она удивительно быстро пришла в себя, не понадобились никакие таблетки. Но надо же было что-то сказать этой Синицкой.

– При перемене... – повторила за ней психолог и что-то черкнула у себя в блокноте. – А не было у вас в последнее время стрессов, тяжелых переживаний?

Тут уж Надежде Николаевне действительно было над чем подумать. Она так часто попадала в какие-то криминальные истории, что какой-нибудь другой женщине одного такого эпизода хватило бы, чтобы испортить нервную систему на всю оставшуюся жизнь, но ей самой это ничуть не портило настроения, напротив, Надежде чего-то не хватало, если в ее жизни долго ничего не происходило. Наверное, ее организм привык к повышенному содержанию адреналина.

– Нет, пожалуй, последнее время у меня все в порядке. Никаких особенных стрессов.

– Могу вам только позавидовать. – Синицкая опять что-то записала в блокноте.
– Муж? – коротко спросила она через минуту.
– Что – муж? – в таком же тоне ответила Надежда.
– Какие у вас отношения с мужем? – пояснила психолог и кивнула на Надеждино обручальное кольцо.
– Нормальные, – сухо ответила Надежда, – муж к моему визиту сюда не имеет отношения...
– Это вам повезло... – вздохнула Синицкая. – Большая часть моих клиенток озабочена именно семейными проблемами. Чего только мне не приходилось выслушивать!..
– Только не я! – отрезала Надежда.
– А в детстве? Можете вы вспомнить какой-то эпизод из своего детства, который оставил у вас в душе глубокий след? Какую-то психическую травму?
Надежда Николаевна удивленно взглянула на психолога.
– Да-да, – повторила та. – Какой-то случай из вашего детства, который остался в вашей душе...

Надежда вспомнила многочисленные эпизоды из американских фильмов, где нервный клиент рассказывает мудрому, внимательному психоаналитику, как детская травма повлияла на всю его дальнейшую жизнь, из-за чего он стал бояться высоты или, наоборот, принялся с упорством, достойным лучшего применения, каждое полнолуние убивать старушек в черной шляпке... Так-так, стало быть, эта докторша тоже не чужда основам классического психоанализа. Ну еще бы – вон кушеточка-то у окна ожидает посетителя. И бюст на столе бронзовый – наверняка Зигмунд Фрейд, кому еще и быть-то!

Надежда Николаевна слабо разбиралась в психоанализе, но имя профессора Фрейда, конечно, слышала.

И тут Надежда решила подыграть Нелли Дмитриевне.

– Когда мне было то ли пять, то ли шесть лет, – начала она, – меня отправили на лето к родственникам в деревню Большие Бугры возле города Ртищево Саратовской области. Там была речка, в саду росли чудесные яблоки, возле дома толклись куры. И вот как-то я увидела, как моя тетя Варя поймала одну курицу и отрубила ей голову. Я была так потрясена этим зрелищем! Мир в моих глазах перевернулся. Я убежала за сарай, спряталась в зарослях лопухов и проплакала там до обеда. Когда же меня позвали обедать и я увидела на столе куриную лапшу – мне стало еще хуже, и я дня два вообще ничего не могла есть.

Надежда Николаевна подробно и очень красноречиво рассказала Синицкой эту душещипательную историю, которую тут же на ходу выдумала, сама на себя поражаясь.

Не было у нее никакой тети Вари, и курочки любимой тоже не было. Если на то пошло, то у родственников вообще не было никакой домашней живности, кроме собаки. Муж хозяйки работал диспетчером на железной дороге, а она сама – учительницей в школе. Вот сад у них действительно был – яблонь тридцать, не меньше. У Надежды до сих пор встает иногда перед глазами это яблочное изобилие и слышится глухой стук падающих на землю плодов.

А вот интересно, как сам великий доктор Фрейд трактует падающие яблоки? Но Надежда ни за что не расскажет про это Синицкой, вдруг та и вправду разбирается в психоанализе и прочитает что-то такое в Надеждиной душе?

Надежда не слишком доверяла этой женщине, потому и выдумала историю по курочку.

Синицкая, похоже, ни о чем не догадалась, она очень внимательно выслушала Надежду, взглянула на бронзовый бюст, словно мысленно посоветовавшись со своим великим учителем, и снова что-то записала у себя в блокноте.

– Да, – проговорила она наконец с явным энтузиазмом, – конечно, эта детская травма могла вызвать в вашем мозгу особый заместительный процесс. Вы стали забывать то, что по каким-то причинам возвращало вас к тому детскому воспоминанию. Все, что могло так или

иначе напомнить вам эту давнюю травму. Например, история с вчерашней блондинкой. Возможно, заместительный процесс включился от того, что та девушка была одета в красное, как и ваша тетя... или просто красный цвет ассоциируется у вас с кровью...

«Вот интересно, – подумала Надежда Николаевна, – ведь я не говорила ей, что та девушка была одета в красное! Откуда же она это знает? Значит, она прекрасно знает, кого я имела в виду! Отлично помнит эту блондинку! Почему же тогда она скрывает это от меня? А может, я все же сказала ей, что та девушка была в красном платье? Черт, говорила я ей это или не говорила? Не могу вспомнить! Ну вот, у меня действительно начались провалы в памяти!»

– Не расстраивайтесь, – Нелли Дмитриевна правильно угадала настроение Надежды Николаевны, – не сомневайтесь, мы вам обязательно поможем. Не скажу, что ваш случай простой, однако довольно часто встречающийся.

«Еще бы», – подумала Надежда и порадовалась, что ей так удачно пришла в голову мысль рассказать об убиенной курице.

– Вам нужно провести несколько сеансов, – Нелли Дмитриевна кивнула на кушетку, – запишитесь у моей помощницы на удобное для вас время. И не тревожьтесь, мы обязательно вернем вашу память в нормальное состояние!

«Интересно, кто это мы, – с неудовольствием подумала Надежда, разглядев сумму, которую ей придется выложить за первый прием у психолога, – по-моему, там были только она и я, кого это еще я должна оплачивать?»

И только на улице ей пришло в голову, что Синицкая, возможно, имела в виду профессора Зигмунда Фрейда.

Вечером Надежда пыталась приступить к мужу с расспросами. Ее интересовало, как коллектив фирмы оценивает прошедшее мероприятие, не случилось ли на вечеринке ничего неординарного, и все ли после такого веселья вышли на работу.

Разумеется, ее расспросы не увенчались успехом, потому что Сан Саныч, как всякий мужчина, уже позабыл про вчерашний праздник, тем более что директор уехал в командировку и на него свалилось все руководство фирмой. Только ему и дела было обсуждать, кто с кем вчера танцевал, кто сколько выпил да кто кого провожал!

Надежда Николаевна приуныла, поскольку местонахождение блондинки в красном или ее трупа продолжало беспокоить. И тут муж хлопнул себя по лбу и вытащил из портфеля несколько фотографий. Выяснилось, что приглашенный на вчерашнюю вечеринку фотограф успел сделать только один комплект снимков, начальству выдали несколько, остальные остались в офисе.

Первый снимок был парадный. Надежда с мужем и директор с женой стояли группой и натянуто улыбались в объектив. Дальше фотограф действовал тихой сапой и снимал со стороны, незаметно, считая, что так будет удачнее.

Вот Надежда с бокалом шампанского разговаривает с главбухом Ниной Семеновной, а на заднем плане проходит директорская жена с той самой кривоногой брюнеткой, которая вездесуща и которой до всего есть дело. На лице Надежды Николаевны присутствует озабоченное выражение, левая рука неловко завернута за спину, как видно, злополучная юбка уже начала вести себя безобразно, и Надежда пытается незаметно призвать ее к порядку.

«Ох уж этот фотограф! – подумала Надежда Николаевна с раздражением. – Видит же, что снимок неудачный! Надо было его уничтожить, а он мало того что напечатал, так еще и выдал его на руки! Сразу понятно, что мужчина!»

Наконец на последнем снимке директор разлетелся к Надежде с целованием ручек, его жена смотрит недовольно, а Надежда поверх директорской головы улыбается мужу.

Вот это хороший снимок, отметила Надежда, тем более что сзади зеркало, а в зеркале отражается что-то красное.

Надежда достала из ящика письменного стола лупу, повертела снимок так и этак, чтобы поймать удобное освещение, и наконец сумела разглядеть сзади ту самую блондинку в красном платье, которая прошлым вечером причинила ей столько хлопот. Блондинка на снимке была живая и здоровая и очень неплохо выглядела, хоть Надежда и видела ее мелко. Причем не в переносном, а в самом прямом смысле.

– Саша, а кто эта девушка? – спросила она мужа самым вкрадчивым голосом.

– Эта? – Сан Саныч прищурился. – Не знаю... А почему ты спрашиваешь?

– Да мне показалось, что ты с ней вчера был неумеренно любезен... – неодобрительно проговорила Надежда.

– Не выдумывай, – отмахнулся муж. – Как я мог быть с ней любезен, если вообще первый раз ее вижу?

Если вы думаете, что Надежда Николаевна после такого ответа успокоилась и позволила мужу заниматься собственными делами, то глубоко ошибаетесь.

Во-первых, как уже говорилось, Надежда была женщина очень решительная и настойчивая, она привыкла любое дело доводить до конца. Во-вторых, ее насторожила та поспешность, с которой муж бросился все отрицать. Дескать, я не я, лошадь не моя, и блондинку эту в жизни не видел. Если бы речь не шла о ее собственном муже, Надеждина настороженность перешла бы в уверенность, что муж блондинку в красном хорошо знает и что-то у них все-таки было...

Но собственному мужу Надежда доверяла, он никогда не давал ей повода усомниться в своей верности. Так что в данном случае муж просто торопился отвязаться от глупых расспросов, чтобы спокойно отдохнуть после трудового дня.

– Ты уверен? – строго спросила Надежда. – Ты уверен, что эта женщина не работает в вашей фирме?

– Кажется... – растерянно ответил муж, и это, несомненно, говорило в его пользу – стало быть, он не слишком интересуется молодыми сотрудницами фирмы, раз плохо знает их в лицо. – Надежда! – Терпение у Сан Саныча лопнуло, настал его черед проявлять недовольство. – Что ты ко мне прицепилась с этой блондинкой? Я твердо знаю, что вчера на празднике ее не видел, так что любезничать с ней никак не мог! И если бы ты не пропадала где-то весь вечер, а находилась рядом с мужем, то сама бы это заметила! Приходишь с женой в ресторан, а как ни оглянешься – все ее нету! Хотел тебя с сотрудниками познакомить...

Упрек был совершенно справедлив, и Надежда снова послала несколько мысленных проклятий автору злополучного костюма. Если бы юбка сидела как влитая, Надежда не стала бы мотаться по всем помещениям ресторана и не увидела бы несчастную мертвую блондинку. Впрочем, как знать? Ведь судьба все время расставляет на ее пути всевозможные криминальные загадки...

Надежда Николаевна поскорее налила мужу вторую чашку чаю и подвинула поближе вазочку с печеньем. И пока он недовольно дул на чересчур горячий чай, она попыталась причесать в голове растрепанные мысли.

Примем как гипотезу, что она не алкоголичка, не истеричка и не фантазерка. В таком случае убийство подозрительной блондинки, несомненно, имело место. Просто убийца – очень ловкий человек, он успевал каждый раз вовремя перепрятывать труп. Или ему помогал кто-то из сотрудников ресторана. Но тех прохиндеев ни за что не поймать, доказательств нет. Скорее всего и трупа в ресторане уже нет – вывезли куда-нибудь под покровом ночи и закопали. Так что хорошо бы выяснить, кто такая была блондинка, как ее звали, откуда она взялась в ресторане. Ведь не могла же она прийти просто так, мероприятие-то закрытое, стало быть, кто-то ее пригласил.

Тут Надежда Николаевна вспомнила слова мужа о том, что все остальные снимки остались в офисе, там, дескать, девочки делают большой стенд.

– Саша, – сказала она озабоченным тоном, – хватит говорить о пустяках, есть гораздо более важные вещи.

– Ну что еще такое? – Муж смотрел недовольно.

– Не отмахивайся, ты совершенно запустил квартиру! – закричала Надежда. – Я быюсь тут одна как рыба об лед, но есть вещи, которые женщина сделать не в состоянии!

– Верно, – вынужден был согласиться муж, – только что конкретно ты имеешь в виду?

– Кран в ванной течет! – ляпнула Надежда заведомую неправду. – Не всегда, а временами! И еще, мы уже полгода не меняли фильтры для горячей и холодной воды, этак вся сан-техника полетит!

Фильтры не меняли всего четыре месяца, но, разумеется, муж не помнил. Тут он признал Надеждину правоту, потому что был человеком аккуратным и привык все делать в срок.

– Я займусь этим в выходные, – согласился он.

– Нет, мы поедем за фильтрами завтра! – объявила Надежда. – Я встречу тебя с работы! А то в субботу прособираешься, кто-нибудь в гости зайдет, и опять на неделю все отложится! Сан Саныч предпочел не возражать.

Назавтра Надежда Николаевна приехала к офису мужа минут на пятнадцать раньше назначенного времени. Это было для нее самым настоящим подвигом. Обычно она хоть немного, но опаздывала – не потому, что была неаккуратна, наоборот, но всегда в последний момент всплывало какое-то неотложное дело, а когда с ним было покончено, оказывалось, что для того чтобы успеть вовремя, ей нужно было выйти из дома минут пятнадцать назад.

Но сегодня у нее были очень обширные и важные планы, и непременно нужно было приехать пораньше.

Перед входом в офис сидел за стойкой молодой парень в черном костюме. Он потребовал у Надежды пропуск, она назвала ему свою фамилию. Парень заглянул в список, выписал ей разовый пропуск и пропустил внутрь.

В кабинете мужа она застала лишь его секретаря Веру. Выглядела она, как всегда, безупречно – строгий костюм, волосы зачесаны гладко, только щеки ввалились, и глаза какие-то пустые, оловянные, как видно, не отошла еще после вечеринки, не было времени выспаться. Надежда-то чувствовала себя отлично и была полна решимости отыскать следы незнакомой блондинки.

– А Сан Саныч где-то по отделам ходит, – сказала Вера, оторвавшись от компьютера. – Откровенно говоря, он в кабинет нечасто заходит.

Надежда познакомилась со своим будущим мужем на работе и прекрасно знала его стиль. Если начальство станет сидеть в кабинете, вызывая сотрудников к себе, как говорят, на ковер, то никакой работы не получится. Только людей от дела отрывать. Так что Сан Саныч не ленился и сам бегал по отделам, проверяя на месте, как идут дела, он считал, что такой стиль работы гораздо эффективнее.

– Хотите чаю или кофе? – спросила Вера, в то время как руки ее с длинными пальцами без маникюра летали над клавиатурой компьютера.

Надежда была не из тех жен, которые, притаившись к мужу на работу, начинают гонять его секретаршу в хвост и в гриву только для того, чтобы показать, кто тут хозяин, и унижить ее лишний раз. Сейчас она видела, что Вера очень занята, и хоть кофе она варила отлично, как, впрочем, и все, что делала, Надежде сейчас не это было нужно.

– Спасибо, дорогая, я дома напилась, пойду мужу покажусь.

В Вериных глазах мелькнуло облегчение, она тут же уткнулась в экран.

Своего мужа Надежда Николаевна нашла очень быстро. Он сидел перед экраном компьютера в окружении целой толпы молодых ребят и говорил им какие-то умные слова. Из всех этих слов Надежда узнала только «драйвер» и «роутер», да и то она не помнила, что они значат.

Увидев жену, Сан Саныч всполошился, испуганно взглянул на часы и проговорил:

– Надя, мы тут уже скоро... еще самое большее полчаса... ты там пока погуляй, журналы посмотри...

Журналы, которые лежали на столе в приемной, были исключительно компьютерные, сугубо специальные и никакого интереса для Надежды Николаевны не представляли. Они были посвящены таким волнующим вещам, как оперативная память, материнская плата и антивирусное обеспечение. Впрочем, Надежду интересовало здесь кое-что совсем другое, а именно огромный красочный стенд, посвященный недавнему юбилею фирмы.

Над стендом красовалась яркая надпись «Нам пятнадцать лет уже, напиши про нас в ЖЖ», а под этой надписью были наклеены многочисленные фотографии с корпоративной вечеринки.

Первым делом Надежда Николаевна расстроилась: на самом видном месте она увидела свою собственную фотографию. Ту самую, с озабоченным выражением лица и неловко вывернутой рукой.

Надежда вздохнула, но взяла себя в руки и продолжила изучение стенда.

Сначала она нашла фотографии своих немногочисленных знакомых – бухгалтера Нины Семеновны, директора фирмы с его очередной женой, Коли Спиридонова, которого Сан Саныч называл компьютерным гением, и еще двоих-троих ребят, с которыми муж ее познакомил. Остальных она если и видела один или два раза, то уж точно не знала по именам, да, собственно, не они ее сейчас интересовали.

Она упорно искала на всех фотографиях злополучную блондинку, но нашла только ее смутное отражение в зеркале – то самое, которое она уже видела дома.

Зато на одной из фотографий Надежда Николаевна увидела молодого мужчину в темно-синем костюме в узкую полосочку.

Она вздрогнула: ведь точно такой костюм был на том человеке, который обнимался с несчастной блондинкой в зимнем саду. Обнимался буквально за минуту до того, как Надежда нашла на скамейке ее еще не остывший труп...

«Полосатый» незнакомец разговаривал с Ниной Семеновной. Значит, главбух его знает и назовет Надежде имя убийцы...

Надежда Николаевна одернула себя: нельзя торопиться с выводами, ведь она видела того человека только со спины, да еще и в полутьме. Да, конечно, он был в похожем костюме, но костюм – это не отпечатки пальцев, по одному костюму нельзя предъявлять человеку такое серьезное обвинение. Может быть, он не имеет к убийству никакого отношения. Вон как приветливо смотрит на него Нина Семеновна, а уж она в людях разбирается... ей по должности положено...

Надежда еще внимательнее пригляделась к подозрительному незнакомцу. Ведь она видела еще и его затылок. Затылок был аккуратный, коротко подстриженный. Но на этой фотографии «полосатый» мужчина был заснят спереди, так что затылок не разглядеть. Ну видно, конечно, что не лысый, но этого мало...

Надежда Николаевна встала на цыпочки и чуть ли не заглянула за фотографию – как будто так она смогла бы увидеть затылок «полосатого» незнакомца...

– Что это вас так заинтересовало? – раздался вдруг у нее за спиной насмешливый голос.

Надежда Николаевна испуганно оглянулась, как будто ее застали за каким-то недостойным занятием.

За спиной у нее стояла та самая кривоногая брюнетка, которая испортила ей столько крови на корпоративной вечеринке. Впрочем, если она по-прежнему была брюнеткой, то кри-

вые ноги сейчас не бросались в глаза, поскольку их скрадывали довольно широкие черные брюки.

«Вот уж встреча так встреча! – внутренне поморщилась Надежда Николаевна. – Главное, она меня застала в такой дурацкой позе... Что она обо мне подумает?»

Внешне она постаралась не показать свою растерянность и проговорила с доверительной интонацией:

– Вот смотрю на костюм этого мужчины. Очень приличный костюм, хочу мужу такой купить.

– Это не мужчина, – фыркнула брюнетка. – Это Антосик.

– Антосик? – переспросила Надежда Николаевна, снова взглянув на фотографию. С виду это был вполне себе мужчина, в крайнем случае молодой парень.

– Ну да, Антосик, сын Нины Семеновны. Она его таскает за собой, как комнатную собачку. Она ведь работает в фирме со дня ее основания и с тех самых пор водит сюда своего Антосика. Он у нас вроде как сын полка. Прошло уже пятнадцать лет, а она все никак не уgomонится. Приводит на все корпоративы, пытается знакомить с нашими барышнями, но они шарахаются от него как от чумы.

– Почему же? – Надежда Николаевна решила поддержать разговор, надеясь разузнать что-нибудь полезное. – С виду вроде бы вполне приятный молодой человек...

– Это только с виду! Во-первых, он парень со странностями, что неудивительно при такой мамочке, а во-вторых, и в главных, к нему прилагается такая будущая свекровь, как Нина Семеновна, а это – удовольствие ниже среднего...

– Да что вы? – удивилась Надежда. – Я с ней знакома, и она на меня произвела очень приятное впечатление...

Она чуть было не добавила «в отличие от вас, дорогая», но вовремя прикусила язык.

– Ну конечно! – Брюнетка усмехнулась. – Ведь вы не представляете для нее никакой опасности, не покушаетесь на ее дорогого Антосика! Вот если бы вам было лет на тридцать меньше, тогда...

Надежда Николаевна расстроилась. Она хотела было сказать, что тридцать лет назад ходила еще в детский сад, но это было бы неправдой, а до неправды она не опускалась. Все же какая неприятная девица эта брюнетка! Язычок у нее не как бритва, нет, а скорее, как жало у кобры, так и каплет ядом! Но однако, особа она весьма осведомленная, так что неплохо бы с ней поболтать подольше. Поэтому Надежда предпочла перевести разговор на более нейтральную тему:

– Но как же так – ведь вы сказали, что Нина Семеновна сама пытается познакомиться его с девушками?

– Ну да. – Брюнетка кивнула. – Неужели не понятно? Умом она понимает, что парню нужно жениться, но душой никак не может это принять, вот и разрывается... Вроде бы настроит себя психологически на то, что у сына должна появиться хоть не жена, так подружка, но как доходит до дела – не может ее принять, хоть тресни! Все ей кажется, что ни одна ее Антосика не достойна!

Надежда вынуждена была признать, что в словах ее собеседницы есть зерно здравого смысла. И вообще, сегодня, как ни странно, она была куда любезнее с Надеждой, чем на давешней вечеринке.

Может быть, это объяснялось тем, что тогда, на корпоративе, рядом был «магнит поприятительнее» – новая жена директора фирмы, с которой она и сплетничала в свое удовольствие, а сейчас поблизости не было никого значительнее Надежды Николаевны...

Словно желая испортить это впечатление, брюнетка продолжила:

– А насчет костюма... вы, конечно, правы, ваш муж как-никак начальник, ему нужно прилично одеваться, чтобы приобрести авторитет в глазах молодежи...

«То есть она намекает, что я его плохо одеваю? – подумала Надежда, закипая. – Да еще и на то, что сейчас у него недостаточно авторитета? Ну погоди же!...»

Надежде захотелось немедленно отлупить наглую девицу по щекам и запихнуть ядовитый язык в глотку, руки сами собой сжались в кулаки. Так что пришлось спрятать их за спину.

– Только имейте в виду, костюм Антосика – дешевая турецкая подделка, заместителю директора такое носить не пристало, – как ни в чем не бывало продолжала кривоногая брюнетка. – Вот лучше посмотрите, в каком костюме был Селиверстов. Это уж точно настоящая Италия, Василий подделки не наденет...

– Селиверстов? – переспросила Надежда Николаевна. – Кто такой Селиверстов?

– Ну как же, вот он! – Брюнетка показала на другую фотографию, до которой Надежда еще не добралась.

Там была запечатлена директорская жена, танцующая с высоким интересным мужчиной.

Но Надежду Николаевну заинтересовал не столько сам этот мужчина, сколько его костюм.

Костюм был примерно такой же, как у Антосика, – темно-синий, в модную узкую полосочку, только действительно лучше сшитый. Точно такой, какой Надежда видела на мужчине в зимнем саду... Что же это выходит? У нее теперь как минимум двое подозреваемых? Волосы у Селиверстова были темно-русые, подстриженные у дорогого парикмахера, даже на фото видно.

– А кто этот Селиверстов? – осведомилась Надежда, стараясь не слишком демонстрировать свой интерес.

– Начальник отдела маркетинга, – с готовностью сообщила брюнетка. – Он у нас, что называется, первый парень на деревне.

– Не женат? – деловито уточнила Надежда.

– В данный момент нет, – вздохнула брюнетка. – Полгода, как развелся с Леночкой. Она очень тяжело переживала развод. Хотела даже уволиться, но тут как раз кризис, и она побоялась остаться без работы...

– Так что – его бывшая жена тоже здесь работает? – удивилась Надежда Николаевна.

– Не одна бывшая жена, а все бывшие жены! – уточнила ее собеседница. – До Леночки была Даша из рекламного отдела, до нее – Наталья из бухгалтерии...

– Ну надо же! Он у вас прямо многоженец какой-то! И все жены под рукой!

– Да, – подтвердила брюнетка. – У них здесь прямо настоящий клуб бывших жен. Они вместе обедают, между делом перемывая Василию косточки. Как раз недавно в этот клуб приняли Леночку, до этого Даша с Натальей дружили против нее, а когда она поделила их судьбу, решили принять ее в свою компанию. Теперь у нас вся фирма гадает, кто будет Васиной четвертой женой...

– Вот, кстати, – оживилась Надежда, – кажется, вчера я видела его с такой интересной блондинкой, в красном платье, немножко полноватая, но очень привлекательная... Это тоже ваша сотрудница?

– Блондинка? – Собеседница Надежды замерла, как собака, почуявшая свежий след, в глазах у нее загорелся живейший интерес. – Полная блондинка в красном платье?

– Ну, не то чтобы излишне полная, а так – слегка... но фигура очень хорошая! – с необъяснимым злорадством добавила Надежда, ей хотелось досадить противной брюнетке.

– Ума не приложу, кто бы это мог быть! – Чувствовалось, что брюнетка всерьез расстроена тем, что проглядела новую пассию любвеобильного Селиверстова.

– Да вот же она, смотрите! – Надежда показала на фотографию, где на заднем плане виднелось знакомое красное платье.

Брюнетка коршуном кинулась к стенду, уставилась на снимок, но после нескольких минут напряженного внимания пожала плечами:

– Нет, не знаю, кто это такая... точно не из нашей фирмы! Вы уверены, что видели ее с Селиверстовым?

Надежда кивнула.

– Ну надо же! Это первый раз, чтобы Василий привел кого-то со стороны... надо будет рассказать в бухгалтерии...

– Надо же, какая у вас интересная жизнь! – проговорила Надежда Николаевна, которая между делом продолжала разглядывать фотографии. – А вот, кстати, еще один такой же костюм!

Действительно, на очередном снимке она увидела третьего мужчину в синем полосатом костюме.

– Ах это! – Брюнетка проследила за ее взглядом. – Так это Сергей Сергеевич.

– Сергей Сергеевич? – как эхо, повторила Надежда. – А кто это такой? Тоже сотрудник вашей фирмы?

– Нет. – В голосе брюнетки зазвучало несвойственное ей почтение. – Сергей Сергеевич Румянцев – большой человек!

– Большой человек? – переспросила Надежда. – Что-то я не поняла. Директор же у вас Толоконников...

– Подумаешь – Толоконников! – брякнула брюнетка. – Подумаешь – директор!

Тут же она сообразила, что сказала лишнее при жене начальника, и опасливо покосилась на Надежду Николаевну.

– То есть он, конечно, директор, и я его очень уважаю, но вы же понимаете: директор – это наемный работник, сегодня он начальник, а завтра его уволили, а Сергей Сергеевич – один из главных акционеров фирмы...

– То есть хозяин? – уточнила Надежда.

– Типа того! – кивнула брюнетка и мечтательно вздохнула: – И какой мужчина!

Сергей Сергеевич был ее тайной и недостижимой мечтой.

Впрочем, в этом она была не одинока: многие сотрудницы фирмы с затаенным интересом поглядывали на интересного, богатого и одинокого мужчину.

Одиноким он стал не так давно, года два назад, после того как погибла его жена.

Обстоятельств ее гибели никто в фирме толком не знал. Кто говорил, что жена Сергея Сергеевича попала в автомобильную аварию, кто – что она разбилась, катаясь на горных лыжах. Самой достоверной казалась история, что машину, в которой ехала жена главного акционера, угнали вместе с ней какие-то залетные бандиты, а ее саму выкинули на дорогу, и она разбилась насмерть...

Как бы то ни было, но после смерти жены Сергей Сергеевич больше не женился и даже вроде бы на женщин не смотрел. Во всяком случае, рядом с ним ни одна женщина на людях не появлялась.

То есть выходило, что он так предан памяти покойной жены, что больше ни на одну женщину и смотреть не хочет...

Такое романтическое поведение вызывало в женском персонале фирмы еще больший интерес, и кое-кто пытался во время корпоративных вечеринок взять штурмом эту неприступную крепость.

Чем эти штурмы заканчивались, достоверно неизвестно, но, во всяком случае, Сергей Сергеевич сохранял свою свободу, а всем заинтересованным особам женского пола оставалось только смотреть на него издали, томно вздыхать и повторять с непередаваемой интонацией: «Какой мужчина!»

Слушая словоохотливую брюнетку, Надежда рассеянно переводила глаза с одной фотографии на другую, и тут на глаза ей попала Нелли Дмитриевна Синицкая. Надежда не обра-

тила внимания на нее раньше, потому что Синицкая была совсем не в том виде, в каком принимала клиентов у себя в офисе. Там перед озабоченным, замотанным человеком усаживалась серьезная доброжелательная, но немного суховатая дама в нейтральном костюме, почти без макияжа, здесь же Надежда увидела очень стройную женщину с пышной прической в бирюзовом длинном платье с одним открытым плечом.

«Асимметричный крой», – с ненавистью вспомнила Надежда, но не могла не отметить, что платье Синицкой, хоть и несколько вызывающее, сидит на ней отлично.

– Это у нас новое веяние... – процедила ехидная Надеждина собеседница, правильно определив направление ее взгляда, – штатный психолог. Денег у начальства некуда девать, лучше бы сотрудникам премии больше платили!

Надежда подумала, что со стороны начальства довольно глупо было бы платить премию таким людям, как эта неприятная девица. Надежда мало ее знает, но и то успела понять, что та вечно болтается по комнатам, сама не работает и людей отвлекает, да еще плохо влияет на психологический климат в коллективе.

– Сначала какие-то тесты все проводила, – шипела девица, – потом начальству отчет предоставила. А каждому сотруднику свои рекомендации. И почти все у нее с отклонениями получились – нарочно так дело представила, чтобы с людей денежки тянуть. Потому что тесты и групповые занятия фирма оплачивает – суммы немалые, я ведомость в бухгалтерии видела, а индивидуальные занятия – будь ласков, выкладывай денежки из своего кармана! Нина Семеновна пошла к ней, так когда платить – волосы, говорит, дыбом встали!

Надежда снова ехидно подумала, что этой вредной брюнетке курс психологической помощи не помешает – возможно, Синицкая сумела бы разбудить в ее душе такие качества, как доброжелательность, такт и внимание к людям, и нейтрализовать злобу, зависть и мелкое пакостничество. Впрочем, вполне возможно, что такое было бы не под силу даже самому доктору Фрейду.

– Спасибо! – поблагодарила Надежда брюнетку. – Извините, мне так неловко! Мы с вами разговариваем, а я не знаю, как вас зовут.

– Ольга, – представилась та. – Ольга Ястребова. Я работаю в отделе продаж.

– Очень приятно, а я – Надежда... Николаевна. – Надежда решила, что нужно назваться по отчеству, чтобы не слишком сокращать дистанцию с главной сплетницей фирмы.

Тут возле них остановилась унылая длинноносая девица в зеленом свитере.

– Оль, – обратилась она к брюнетке, – а где у нас стол находок? Я на корпоративе зажигалку потеряла. Хорошая зажигалка, дареная...

– Следить надо за вещами! – огрызнулась Ольга. – Пить надо меньше! А стол находок у рекламщиков...

– Стол находок? – заинтересованно спросила Надежда Николаевна, когда унылая девица удалилась. – Что такое «стол находок»?

– На каждом корпоративе обязательно кто-то что-то теряет, – охотно пояснила Ольга. – Ну мы и договариваемся с работниками ресторана, что они все потерянные вещи складывают в мешок и привозят к нам в офис, а потом все, кто что-то потерял, роются в этом мешке и ищут свое. Иногда находят. Вот этот мешок мы и называем столом находок...

– Как интересно! – проговорила Надежда Николаевна. – Пожалуй, мне тоже нужно взглянуть на этот «стол находок». Я кое-что потеряла на вашей вечеринке, одну сережку. Сережка старинная, бабушкина. Я уж с ней распрощалась, а теперь появилась надежда... Где у вас находится этот отдел рекламы?

– Вон там, справа по коридору, вторая дверь, – показала ей Ольга. – Только я уж вас не буду провожать, мне работать нужно...

– Конечно-конечно, – обрадовалась Надежда, которой уже давно надоела словоохотливая брюнетка.

Она вошла в указанную дверь и оказалась в просторной светлой комнате, все стены которой были увешаны рекламными плакатами, а в центре, вокруг огромного стола, теснились озабоченные сотрудники обоего пола.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.